
РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ МЕДИАДИСКУРСА SPEECH MODELS AND MEDIA DISCOURSE STRATEGIES

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 83–92.

ISSN 2070-0695 (print).

Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2022;2(44):83–92. ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья

УДК 070:81

DOI 10.47475/2070-0695-2022-10211

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И ФЕМИЦИДА В РОССИЙСКИХ СМИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анастасия Константиновна Кулагина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, ak.kulagina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена языковым особенностям освещения случаев домашнего насилия и убийств женщин в современном медиатексте. Описываются наиболее часто встречающиеся лексические и синтаксические средства виктимблейминга, оценивается распространенность этого явления в российских СМИ. Рассматриваются примеры некорректного распределения ответственности за преступление между жертвой и агрессором. Отдельное внимание уделяется заголовкам.

Ключевые слова: домашнее насилие, фемицид, гендерное насилие, виктимблейминг, медиатекст, российские СМИ.

Благодарности: За помощь в подготовке статьи автор выражает признательность Басовской Евгении Наумовне, заведующей кафедрой медиаречи факультета журналистики Института массмедиа и рекламы РГГУ.

Для цитирования: Кулагина А. К. Репрезентация домашнего насилия и фемицида в российских СМИ: лингвистический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 83–92. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10211>.

Original article

REPRESENTATION OF DOMESTIC VIOLENCE AND FEMICIDE IN RUSSIAN MEDIA: LINGUISTIC ASPECT

Anastasia K. Kulagina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ak.kulagina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the linguistic features of the coverage of cases of domestic violence and murders of women in the modern media text. The most common lexical and syntactic means of victimblaming are described, the prevalence of this phenomenon in the Russian media is estimated. Examples of incorrect distribution of responsibility for a crime between the victim and the aggressor are considered. Headings are given special attention.

© Кулагина А. К., 2022

Key words: domestic violence, femicide, gender-based violence, victimblaming, media text, Russian media.

Acknowledgments: For help in preparing the article, the author expresses her gratitude to Evgenia Naumovna Basovskaya, Head of the Department of Media Speech of the Faculty of Journalism of the Institute of Mass Media and Advertising of the Russian State University for the Humanities.

For citation: Kulagina A. K. Representation of domestic violence and femicide in Russian media: linguistic aspect. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2022;2(44):83–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10211>.

Введение

Домашнее насилие – это применение физического, сексуального, психологического, экономического воздействия по отношению к члену семьи, или сожителю, или интимному партнеру (часто – бывшему) с целью подчинить его волю и приобрести над ним власть. Подавляющее большинство жертв домашнего насилия составляют женщины [3. С. 122–124]. Это явление широко распространено по всему миру и наблюдается как в экономически развитых, так и в развивающихся странах [20. С. 95]. По подсчетам ВОЗ 2021 года, примерно одна из трех женщин в возрасте от 15 до 49 лет испытала физическое или сексуальное насилие со стороны своего партнера [12].

Домашнее насилие часто приводит к более тяжким правонарушениям. По оценке правозащитных организаций, в 2011–2019 годах оно стало причиной убийства более 65 % россиянок [9]. Один из главных факторов преступлений такого типа – гендерная принадлежность жертвы, поставившая ее в уязвимое положение. В связи с этим в научную литературу вошел термин «фемцид», который обозначает убийства женщин, совершенные на почве ненависти [15].

И фемцид, и домашнее насилие являются аспектами гендерного насилия. В его основе лежит неравенство между мужчиной и женщиной, которое продолжает существовать и сегодня, несмотря на юридически зафиксированные принципы равноправия. Так, в 2021 году Россия заняла по этому показателю 81-е место в мире [19]. В стране пока нет закона, защищающего пострадавших от семейно-бытового насилия. Кроме того, в 2017 году эта категория правонарушений была декриминализована.

Среди населения распространены патриархальные установки, обосновывающие второстепенную роль женщины в личной, профессиональной, общественной сфере. Логически вытекающие из них идеи «мужской силы» (воинственности, непримиримости) и «женской слабости» (зависимости, пассивности) превращают мужчину в потенциального агрессора, а женщину – в потенциальную жертву. В условиях неравенства насилие начинает рассматриваться как вполне закономерное, иногда даже оправданное с моральной точки зрения явление – поскольку мужчина, согласно этой логике, имеет право контролировать и наказывать свою партнершу [17. С. 344–349].

Всем этим объясняется распространенность виктимблейминга – обвинений в адрес жертвы преступления, попыток перенести на нее частичную или полную ответственность за произошедшее (например, «сама виновата», «сама спровоцировала») [11. С. 461–462]. Как показывают исследования, объектами виктимблейминга в российском обществе сегодня выступают преимущественно женщины [10. С. 92]. Виктимблейминг можно также расценивать как механизм психологической защиты, позволяющий дистанцироваться от мысли, что произошедшее могло коснуться каждого (вне зависимости от возраста, манеры поведения, внешнего вида, т.д.) Американский психолог Мелвин Лернер назвал такой образ мысли «верой в справедливый мир», согласно которой любое нежелательное событие в жизни человека – это наказание за его аморальные поступки в прошлом [11. С. 462–463].

СМИ существенно влияют на то, каким образом публика воспринимает домашнее насилие и фемцид, насколько осознанное представление она имеет об этих проблемах. Журналисты одновременно воспроизводят популярные в обществе гендерные установки и способствуют еще большему их закреплению.

Материалы и методы исследования

Российские СМИ часто недостаточно корректно освещают темы гендерного насилия. На это указывают К. В. Ваганова, Е. А. Воинова, В. А. Еремина, О. А. Калашникова, И. И. Колесник, О. П. Лофиченко, Е. В. Сивякова, А. Б. Фахретдинова, Е. О. Филиппова [3; 4; 8; 10; 11; 17].

В данной статье также учтен опыт зарубежных СМИ, описанный в работах Н. И. Ажгихиной, Р. Бельмонт, Е. С. Голоусовой, Ю. А. Горностаевой, М. Негри, Е. В. Никитиной, Ю. В. Сергаевой, М. В. Симоновой [1; 5; 7; 13; 14; 18].

Большинство ученых рассматривают вопросы репрезентации домашнего насилия и фемцида в отечественных СМИ с точки зрения психологии, социологии, юриспруденции, теории коммуникации. В то же время лингвистический аспект проблемы остается недостаточно изученным, чем обусловлена необходимость в проведении этого исследования.

Цель статьи состоит в изучении языковых особенностей освещения тем домашнего насилия и фемцида в современных российских изданиях. В рамках исследования необходимо решить следующие задачи: 1) установить степень распространенности виктимблейминга в отечественных СМИ; 2) выявить наиболее употребляемые языковые средства, некорректно распределяющие ответственность за преступление между жертвой и агрессором; 3) описать их функции в медиатексте.

К наиболее значимым методам исследования можно отнести семантико-стилистический анализ (для рассмотрения отдельных слов и словосочетаний) и контекстный анализ (для изучения вербального и ситуативного контекста высказываний). Эмпирическую базу работы составили текстовые материалы, опубликованные на интернет-сайтах одних из наиболее популярных общественно-политических СМИ России: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Газета.ру». Хронологический диапазон источников (2017–2022 годы) позволяет получить наиболее актуальные данные о проблеме. Поиск материалов производился с помощью следующих ключевых запросов: «домашнее насилие», «муж убил жену», «парень избил девушку» и их синонимов. В результате нами было отобрано 682 публикации, в которых описываются частные случаи насилия, совершенного мужчинами против женщин, или затрагивается проблема домашнего насилия в целом.

Результаты исследования

Количественные измерения показали, что открытые проявления виктимблейминга (в виде авторской речи или цитирования «обвинительных» высказываний без разграничения позиции героя/эксперта и редакции) далеко не редко встречаются в отечественных СМИ. Так, на сайте «Комсомольской правды» они были обнаружены в 12,3 % материалов. Для «Аргументов и фактов» и «Газеты.ру» этот показатель составил 8,8 % и 4,1 % соответственно.

В ходе анализа нами были выявлены следующие **языковые средства виктимблейминга**, заключающие в себе прямую авторскую оценку и не обладающие в большинстве случаев признаками отсылок к чужой речи, а именно: кавычками, вводными выражениями («по словам...»), указаниями источника и т. д. Главная функция подобных средств – выставить жертву в отрицательном свете, утвердить мысль об ее интеллектуальных, психических, моральных недостатках. Многие средства отличаются экспрессивностью и поэтому резко выделяются на фоне текста, в целом выдержанного в нейтральной, эмоционально отстраненной манере изложения.

1. Лексические средства.

а) прилагательные с негативной семантикой, используемые с целью осуждения жертвы. Например, «гулящая», «неразумная», «неблагодарная»:

*Глава семейства отчитывал **нерадивую** жену за лень и пьянство* (В Волгограде муж убил жену за лень и пьянство, <https://www.volgograd.kp.ru/online/news/3489183/>, дата обращения: 22.02.2022);

б) нейтральные существительные в переносном значении или разговорно-шутливые/ироничные существительные, применяемые для осуждения жертвы. Например, «дама», «возлюбленная», «особа»:

*Мужчина пытался узнать, было ли когда-то предательство со стороны **благоверной*** (Муж убил жену в день рождения за отношения с его братом, <https://www.kuban.kp.ru/daily/27265/4398842/>, дата обращения: 22.02.2022);

в) глаголы и глагольные словосочетания, выражающие негативную оценку поведения жертвы, рассматривающие его с позиций агрессора. Например, «заупрямилась», «отнекивалась», «донимала»:

*Мужчина настойчиво пытался вернуть жену. <...> он пригрозил ей убийством в том случае, если она не согласится продолжать отношения. Тем не менее девушка **не шла на уступки** <...>*

(Отрубил ноги и выкинул из окна: кровавый конфликт в Петербурге, <https://www.gazeta.ru/social/2020/07/27/13167115.shtml>, дата обращения: 22.02.2022);

г) глаголы, демонстрирующие правомерность действий агрессора, отражающие его позицию. Например, «расквитался», «отчитал», «наказал»:

*Решив **показать**, кто тут хозяин, а заодно **отучить** свою гражданскую жену пить с кем-либо помимо него, мужчина два раза ударил женщину в область виска (Муж двумя ударами убил свою жену в Томской области, <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/3533057/>, дата обращения: 22.02.2022);*

д) устойчивые словосочетания, обозначающие семейный статус жертвы или агрессора и употребляющиеся для оценки поведения жертвы в супружеских отношениях (чаще всего – при описании предполагаемой измены). Например, «глава семьи», «мать троих детей»:

*Осенью прошлого года у нее якобы появился новый кавалер, подарки от которого начал, по данным телеканала, замечать ее **законный муж**.*

(Безумие и страсть: как чиновник убил любовницу, <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/01/12388639.shtml>, дата обращения: 22.02.2022);

е) устойчивые словосочетания и выражения, применяемые для создания неприглядного образа жертвы, отрицательной оценки ее поведения («души не чаять», «пальцем не тронуть», «душа в душу»):

*<...> его обвинила в изнасиловании и избиении бывшая участница «Дома-2» Дарья Друзьяк. Про девушку известно только то, что она пять раз проваливала кастинг в скандальный телепроект ТНТ <...>. А когда попала, проявила себя так, что **язык не поворачивается** все это пересказывать («Тебя повесить надо, тварь!». Почему Александр Серов воюет с женщинами? https://aif.ru/culture/person/tebya_povesit_nado_tvar_pochemu_aleksandr_serov_vo_uet_s_zhenshchinami, дата обращения: 22.02.2022)*

II. Синтаксические средства.

а) восклицательные предложения, призванные дать негативную оценку действиям жертвы, сделать акцент на ее ошибках, которые, по мнению автора, привели к трагической развязке:

*<...> тогда пострадавшая решила замять этот неприятный эпизод. **И как оказалось, зря!** (Екатерина Архарова об избиении Башаровым жены: «Такого человека только могила исправит», <https://www.kp.ru/daily/26926.4/3973649/>, дата обращения: 22.02.2022);*

б) несобственно-прямая речь, используемая с целью описания хода мысли жертвы – в виде предположений автора и без упоминания каких-либо источников цитирования:

*<...> будущая семейная жизнь рисовалась ей исключительно в розовых тонах: полная гармония и взаимопонимание в отношениях. Наспех пройденные курсы «Идеальной жены» в интернете придавали уверенности: **ссорам не бывает!** (Вернулась к родителям без зубов и инвалидом: истории уфимок, переживших домашнее насилие, <https://www.ufa.kp.ru/daily/26800/3834834/>, дата обращения: 22.02.2022);*

в) цитирование обиходных выражений от лица жертвы, направленное на то, чтобы продемонстрировать предполагаемый ход ее мысли:

*Жанна была классической жертвой домашнего насилия. Годами терпела угрозы, оскорбления, надеясь, что «**со временем все образуются**» (Русское убийство. Журналистка из Рязани стала жертвой домашнего тирана? https://aif.ru/incidents/russkoe_ubiystvo_zhurnalistka_iz_ryazani_stala_zhertvoy_do_mashnego_tirana, дата обращения: 22.02.2022);*

г) парцелляция (чаще всего – слабая), при помощи постановки союза «но» в начале предложения образующая резкое противопоставление между «желаемыми» и «действительными» поступками жертвы и способствующая драматизации повествования:

*И на этом этапе девушка могла всё изменить, заявив, что не желает быть женой Тамерлана. **Но она не возражала** («Укусила за нос, чтобы выжить». Укравший невесту владикавказец получил срок, https://stav.aif.ru/incidents/details/ukusila_zha_nos_chtoby_vyzhit_ukravshiy_nevestu_vladikavkazec_poluchil_srok, дата обращения: 22.02.2022);*

д) заключение в кавычки слов и словосочетаний с позитивной семантикой для употребления их в переносном, ироническом смысле:

<...> *Шевыркова сделала вид, что <...> все нормально, тем самым показав другим женщинам, которые подвергаются домашнему насилию, «отличный» пример* (Валерии муж ломал пальцы, а Марат Башаров предпочитает бить жен в лицо, <https://www.kp.ru/daily/26928.7/3978238/>, дата обращения: 22.02.2022).

Также установлено, что в материалах СМИ часто встречаются лингвистические средства, которые нельзя охарактеризовать как открытые проявления виктимблейминга, но которые тем не менее **некорректным образом распределяют ответственность между жертвой и агрессором**. По сравнению с описанными выше средствами они отличаются большей имплицитностью и стилистической нейтральностью. В их число входят:

а) глаголы и глагольные словосочетания, подчеркивающие иррациональность в поведении агрессора и продвигающие мысль о том, что он стал заложником собственных эмоций. Например, «взбесился», «не сдержал эмоций», «зарезал в гневе», «потерял контроль над собой»:

Бывший полицейский из Подмосковья Сергей Гусятников, который в приступе ревности нанес своей жене 48 ножевых ранений, был приговорен к 9 годам лишения свободы (Убийство вместо развода: капитана посадили за 48 ударов ножом, <https://www.gazeta.ru/social/2018/11/14/12058915.shtml>, дата обращения: 22.02.2022);

Таким образом фокус переносится с вины агрессора – на причину его поведения, что придает событию узкобытовой, случайный характер; ставит его в зависимость от ситуационных проявлений чувств; изымает проблему из широкого гендерного контекста; мешает увидеть социокультурные факторы, способствующие насилию (культ силы, подчиненное положение женщины, ее боязнь встретить осуждение со стороны общества, т.п.) Такие средства могут дезинформировать аудиторию, в случае если они граничат по смыслу с юридическим понятием невменяемости. Эмоциональное состояние агрессора тогда станет заранее рассматриваться как смягчающее обстоятельство:

Обезумевший мужчина нанес множество ножевых ранений в грудную клетку экс-супруги, забрал их общую дочь и отвез ее в дом к своей матери (Засыпал глиной: житель Башкирии зверски убил многодетную мать, <https://www.gazeta.ru/social/2019/07/22/12514789.shtml>, дата обращения: 22.02.2022)

б) эвфемизация понятия «домашнее насилие», его замена словами «ссора», «конфликт», «скандал», иногда в сочетании с прилагательными «семейный» и «бытовой», подчеркивающими частный характер произошедшего:

Алина от своего мужа сбежала в окно после очередной ссоры. Он и до этого ее бил, душил, грозился убить, но в этот раз ссора была особенно острой (Что изменится в Ижевске после принятия закона о домашнем насилии, <https://www.izh.kp.ru/daily/26637/3659486/>, дата обращения: 22.02.2022);

Описание непрекращающегося, возведенного в систему насилия, имеющего явный односторонний характер, при помощи слов, которые предполагают разовость и обоюдность действий, может ввести аудиторию в заблуждение. Понятия «ссора» и «конфликт» неуместно приравнивать к домашнему насилию, поскольку, в отличие от него, они предполагают, во-первых, равенство между партнерами, во-вторых, возможность разрешить разногласия между ними [6. С. 19–20]. Примечательно, что, как показал анализ, подобные слова журналисты часто заимствуют из официальных комментариев правоохранительных органов – так называемого «голоса власти».

В сочетании с глаголами вроде «возникнуть», «случиться», «разыграться», «произойти» указанные в этом подпункте существительные позволяют, на наш взгляд, избежать упоминания реального субъекта действия и формируют еще более абстрактные образы:

Смертельное недопонимание произошло в ночь на 30 сентября (Ищите женщину? В Красноярском крае муж убил жену из-за ее вспышек ревности, https://krsk.aif.ru/incidents/kogda_milye_branyatsya_kak_molodoy_brak_zakonchils_ya_ubiystvovom, дата обращения: 22.02.2022);

в) глагольные формы множественного числа вместо единственного при описании отношений между жертвой и агрессором, которые возлагают на них равную ответственность за произошедшее:

За неделю до конфликта Агата и Павел дали интервью, в котором клялись: им удалось преодолеть кризис в отношениях. Актеры <...> заверяли журналистов, что в новом году они

будут друг к другу внимательны. Но вот до Нового года как раз не дотерпели... («Бьет и не выпускает из дома»: к Павлу Прилучному приехала полиция после обвинений в избиении жены, <https://www.kp.ru/daily/26928.7/3978086/>, дата обращения: 22.02.2022).

Большое значение имеют **лингвистические средства, применяемые в заголовках**, так как это одна из наиболее заметных составляющих современного медиатекста. Поскольку основные функции заголовка – в максимально емкой форме передать информацию о событии и привлечь как можно больше читателей, при их создании журналисты часто допускают логические, фактические, этические недочеты (в особенности это касается кликбейта). Проблема, как отмечают исследователи, также заключается в следующем: многие читатели обращают внимание только на заголовки и не углубляются в содержание публикации. Важно и то, что предвзятое отношение к событию, возникшее при взгляде на заголовок, может сохраниться даже после полного прочтения материала [21. С. 29].

Помимо описанных выше средств виктимблейминга и некорректного распределения ответственности, в заголовках СМИ также часто встречаются:

а) цитаты героев или экспертов, содержащие обвинения в адрес жертвы:

«**Сама соблазнила**». Муж помощницы прокурора насильничал приемную дочь, https://aif.ru/society/law/sama_soblaznila_muzh_pomoshchnicy_prokurora_nas_ilo_v_al_priemnuyu_doch, дата обращения: 22.02.2022;

б) пассивный залог, который помогает избежать придаточных частей, но при этом лишает агрессора субъектности, представляет акт насилия как абстрактное, не зависящее ни от чьей воли событие и мешает пониманию написанного из-за нагромождения косвенных падежей:

«**Это все, ему конец**»: Татьяна Васильева прокомментировала **избиение Башаровым жены**, https://www.gazeta.ru/culture/2018/12/28/a_12111643.shtml, дата обращения: 22.02.2022;

в) предлог «за» и вопросительное местоимение «что», которые в сочетании друг с другом приобретают отрицательный оттенок; вопросы подобного рода излишне, по нашему мнению, заостряют внимание на поведении жертвы, игнорируя вину агрессора; предполагают само наличие причины, которая послужила бы достаточным оправданием для жестокости (сравн. с более нейтральной конструкцией «из-за чего»):

За что кинокритик Егор Беликов избил свою девушку? https://aif.ru/incidents/za_chto_kinokritik_egor_belikov_izbil_svoyu_devushku, дата обращения: 22.02.2022;

г) отсутствие упоминаний о домашнем насилии (как правило, ключевого в затронутом контексте), которое сокращает длину заголовка:

Лучшего бойца UFC выгнали из спортзала из-за алкоголизма [и домашнего насилия. – А. К.], https://www.gazeta.ru/sport/news/2021/10/13/n_16686517.shtml, дата обращения: 22.02.2022.

Заключение

В статье не были разобраны многие распространенные особенности освещения темы гендерного насилия в СМИ, которые требуют подробного рассмотрения в рамках отдельного исследования. В их число входит сексуализация жертвы, излишняя драматизация ситуации, создание эффекта сенсации, приведение натуралистичных, «кровавых» подробностей, ксенофобные высказывания и др. Было также установлено, что термин «домашнее насилие» относительно редко используется в материалах об обычных людях и, наоборот, часто – в материалах о знаменитостях (что касается не только основной части текста, но и тегов). Журналисты чаще открыто осуждают домашнее насилие, когда оно становится главной темой публикации и рассматривается в широком аспекте (в аналитических статьях, авторских колонках, комментариях). Виктимблейминг же чаще всего встречается именно в новостных заметках об отдельных инцидентах. Многие публикации отличаются противоречивостью: один материал может одновременно содержать признание и отрицательную оценку насилия как такового и обвинения в адрес конкретной жертвы. Например, слова, при помощи которых осуждается поведение агрессора («тиран», «издевательства», «изводил»), и комментарии, делающие акцент на неадекватности, по мнению экспертов, действиях пострадавшей.

Это утверждает мысль о единичном, частном характере проблемы, мешает ее комплексному восприятию, размывает границы ключевых понятий. Например, тот, у кого домашнее насилие ассоциируется исключительно с кровью, не распознает другие виды насилия (психологическое,

экономическое, др.) и, следовательно, не сможет защитить себя. А проявления виктимблейминга «нормализуют» подобные преступления в глазах публики, убеждают пострадавших в собственной виновности. Из-за страха и стыда многие из них так и не решаются обратиться за помощью, и поэтому домашнее насилие по-прежнему остается латентным явлением [2. С. 27–28].

Таким образом, лингвистические средства виктимблейминга характеризуются разнообразием и достаточно широко распространены в современных российских СМИ. Кроме того, значительную долю составляют средства, которые частично перекладывают вину за насилие на жертву. Данные выводы актуальны не только для основной текстовой части публикаций, но и для заголовков, подзаголовков, лидов. Всем этим объясняется необходимость в повышении уровня осведомленности журналистов о гендерных проблемах и стимулировании их более системного изучения.

Список источников

1. Ажгихина Н. И. Способы преодоления гендерного разрыва в СМИ. Опыт итальянских журналистов // *Гендер и СМИ*. 2018. № 9. С. 52–59.
2. Бахшалиева Н. Я., Моралес-Терентьева Л. М., Сергеева А. Виктимблейминг в российских СМИ // *Вестник науки*. 2020. Т. 3. № 5 (26). С. 27–28.
3. Ваганова К. В. Виктимблейминг как причина латентности домашнего насилия // *The best research practices : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса*, Петрозаводск, 08 ноября 2020 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. С. 122–124.
4. Воинова Е. А., Сивякова Е. В. Дискурс как ресурс преодоления социальной анонии: проблематика насилия в массовой коммуникации (теоретические аспекты) // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2019. Т. 1. № 1. С. 157–164.
5. Голоусова Е. С. Особенности конструирования образа женщины – жертвы гендерного насилия в период военного конфликта в Колумбии (на примере публикаций западных и латиноамериканских СМИ) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2020. Т. 26. № 3 (199). С. 71–80. DOI 10.15826/izv1.2020.26.3.050.
6. Горбунова О. А. Сотрудничество без травм: как освещать тему гендерного насилия в отношении женщин в СМИ безопасно. Минск : ОО «Радислава», 2018. С. 19–20.
7. Горностаева Ю. А. Репрезентация фемцида в латиноамериканских СМИ: от легитимации к делегитимации насилия над женщинами // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 8. С. 2567–2572. DOI 10.30853/phil210365.
8. Еремина В. А. Проблема насилия в семье и российские СМИ: обзор социологических исследований // *Синергия Наук*. 2018. № 27. С. 765–770.
9. Исследование Консорциума женских НПО: более 65% от всех убитых женщин в год погибают в результате домашнего насилия // *Консорциум женских неправительственных объединений*. 2021. URL: <https://wcons.net/novosti/issledovanie-konsorciuma-zhenskih-npo-65-ot-vseh-ubityh-zhenshhin-v-god-pogibajut-v-rezultate-domashnego-nasilija/> (дата обращения: 22.02.2022).
10. Калашникова О. А., Филиппова Е. О. Виктимблейминг и его влияние на общественную жизнь // *Шаг в науку*. 2021. № 2. С. 92.
11. Лофиченко О. П., Колесник И. И. Виктимблейдинг (обвинение жертвы) как социокультурное явление в современной России // *Неделя науки СПбПУ : Материалы научной конференции с международным участием. Лучшие доклады*, Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 года. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. С. 461–463.
12. Насилие в отношении женщин // *Всемирная организация здравоохранения*. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Сергаева Ю. В., Никитина Е. В. Домашнее насилие как объект дискурс-анализа // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). 2020. № 29. С. 31–40.
14. Симонова М. В. Особенности освещения проблемы гендерного насилия в современной испаноязычной прессе // *Реклама и PR в координатах социума, бизнеса и медиапространства : Под*

общей редакцией И. В. Карповой. Орел : Орловский государственный университет экономики и торговли, 2020. С. 139–159.

15. Счетчик фемцида // Сайт Московского женского музея. URL: <https://www.wmmsk.com/femicid/> (дата обращения: 22.02.2022).

16. Фахретдинова А. Б. К вопросу о роли средств массовой информации в преодолении проблемы супружеского насилия в современном российском обществе // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 344–349.

17. Belmonte R., Negri M. Analyzing social representation of gender-based violence throughout media discourse. The case of the Italian press // Наука. Культура. Общество. 2021. Vol. 27. No 2. P. 48–61. DOI 10.19181/nko.2021.27.2.5

18. Global Gender Gap Report 2021 // World Economic Forum. 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 22.02.2022).

19. Impe A.-M. Reporting on Violence against Women and Girls: a Handbook for Journalists. Paris : UNESCO, 2019. P. 95.

20. Stefonowicz K. Rape Myths Acceptance and the News Media. Thesis on bachelor of arts in sociology. Reno : University of Nevada, 2012. P. 29.

References

1. Azhghina, N. I. (2018). Sposoby preodoleniya gendernogo razryva v SMI. Opyt ital'yanskikh zhurnalistov [Ways of overcoming gender gap in the media. Experience of Italian journalists]. *Gender i SMI* [Gender and Mass Media], 9, pp. 52–59 (In Russ.).

2. Bahshalieva, N. YA., Morales-Terent'eva, L. M. & Sergeeva, A. (2020). Viktimblejming v rossijskikh SMI [Victimblaming in Russian media]. *Vestnik nauki* [Science bulletin], Vol. 3, 5 (26). pp. 27–28 (In Russ.).

3. Vaganova, K. V. (2020). Viktimblejming kak prichina latentnosti domashnego nasiliya [Victimblaming as a cause of domestic violence latency]. *The best research practices: sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Petrozavodsk, 08 noyabrya 2020 goda* [The best research practices: collection of articles of the International Research Competition, Petrozavodsk, 08.11.2020]. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science» (ST Ivanovskaya Irina Igorevna), pp. 122–124. (In Russ.).

4. Voinova, E. A. & Sivyakova, E.V. (2019). Diskurs kak resurs preodoleniya social'noj anomii: problematika nasiliya v massovoj kommunikacii (teoreticheskie aspekty) [Discourse as a resource of social anomie overcoming: issues of domestic violence in mass communication]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev], Vol. 1, 1, pp. 157–164 (In Russ.).

5. Golousova, E. S. (2020). Osobennosti konstruirovaniya obraza zhenshchiny – zhertvy gendernogo nasiliya v period voennogo konflikta v Kolumbii (na primere publikacij zapadnyh i latinoamerikanskih SMI) [Constructing the images of the female victims of gender based violence during the military conflict in Colombia (following the example of publications in the Western and Latin American media)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in education, science and culture], Vol. 26, No. 3 (199), pp. 71–80. DOI 10.15826/izv1.2020.26.3.050. (In Russ.).

6. Gorbunova, O. A. (2018). *Sotrudnichestvo bez travm: kak osveshchat' temu gendernogo nasiliya v otnoshenii zhenshchin v SMI bezopasno* [Collaboration without trauma: how to safely cover the topic of gender-based violence against women in the media]. Minsk: NGO «Radislava», pp. 19–20 (In Russ.).

7. Gornostaeva, YU. A. (2021). Reprerentaciya femicida v latinoamerikanskih SMI: ot legitimacii k delegitimacii nasiliya nad zhenshchinami [Evolution of Femicide Representation in the Latin-American Mass Media: From Legitimation to Deligitimation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], Vol. 14, 8, pp. 2567–2572. DOI 10.30853/phil210365. (In Russ.).

8. Eremina, V. A. (2018). Problema nasiliya v sem'e i rossijskie SMI: obzor sociologicheskikh issledovanij [The problem of domestic violence and the Russian media: review of sociological research]. *Sinergiya Nauk* [Science Synergy], 27, pp. 765–770 (In Russ.).

9. Issledovanie Konsorciuma zhenskih NPO: bolee 65% ot vsekh ubityh zhenshchin v god pogibayut v rezul'tate domashnego nasiliya (2021). [Study of the Consortium of Women's NGOs: more than 65% of all women killed per year die as a result of domestic violence]. *Konsorcium zhenskih nepravitel'stvennykh ob'edinenij* [Consortium of Women's Non-Governmental Associations], available at: <https://wcons.net/novosti/issledovanie-konsorciuma-zhenskih-npo-65-ot-vseh-ubityh-zhenshchin-v-god-pogibayut-v-rezultate-domashnego-nasilija/> (accessed: 22.02.2022). (In Russ.).
10. Kalashnikova, O.A. & Filippova, E.O. (2021). Viktimblejming i ego vliyanie na obshchestvennyuyu zhizn' [Victimblaming and its impact on public life]. *SHag v nauku* [Step to Science], No. 2, pp. 92. (In Russ.).
11. Lofichenko, O. P. (2018). Viktimblejding (obvinenie zhertvy) kak sociokul'turnoe yavlenie v sovremennoj Rossii [Victimblaming (accusation of the victim) as a sociocultural phenomenon in modern Russia]. *Nedelya nauki SPbPU: Materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Luchshie doklady, Sankt-Peterburg, 13–19 noyabrya 2017 goda* [SPbPU Science Week: Materials of a scientific conference with international participation. Best reports, St. Petersburg, November 13–19, 2017]. St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University», pp. 461–463. (In Russ.).
12. Nasilie v otnoshenii zhenshchin (2018). [Violence against women]. *Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya* [World Health Organization], available at: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/violence-against-women> (accessed: 22.02.2022). (In Russ.).
13. Sergaeva, YU. V. & Nikitina, E. V. (2020). Domashnee nasilie kak ob'ekt diskurs-analiza [Domestic violence as an object of discourse analysis]. *Studia Linguistica (Sankt-Peterburg)* [Studia Linguistica (Saint Petersburg)], 29, pp. 31–40 (In Russ.).
14. Simonova, M. V. (2020). Osobennosti osveshcheniya problemy gendernogo nasiliya v sovremennoj ispanoyazychnoj presse [Peculiarities of coverage of gender violence issues in the modern Spanish-language press]. *Reklama i PR v koordinatah sociuma, biznesa i mediaprostranstva: Pod obshchej redakciej I.V. Karpovoj* [Advertising and PR in the coordinates of society, business and media space: Under the general editorship of I.V. Karpova]. Orel: Oryol State University of Economics and Trade, pp. 139–159. (In Russ.).
15. Schetchik femicida [Femicide counter]. *Sayt Moskovskogo zhenskogo muzeya* [Website of the Moscow Women's Museum], available at: <https://www.wmmsk.com/femicid/> (accessed: 02.02.2022). (In Russ.).
16. Fakhretdinova, A. B. (2008). K voprosu o roli sredstv massovoj informacii v preodolenii problemy supruzheskogo nasiliya v sovremennom rossijskom obshchestve [Revisited the role of mass media in the negotiation of marital violence problem in the contemporary Russian society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 1, pp. 344–349. (In Russ.).
17. Belmonte, R. & Negri, M. (2021). Analyzing social representation of gender-based violence throughout the media discourse. The case of the Italian press. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], Vol. 27, 2, pp. 48–61. DOI 10.19181/nko.2021.27.2.5.
18. Global Gender Gap Report 2021. *World Economic Forum*, available at: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (accessed: 22.02.2022).
19. Impe A.-M. (2019). *Reporting on Violence against Women and Girls: a Handbook for Journalists*. Paris: UNESCO, p. 95.
20. Stefanowicz, K. (2012). *Rape Myths Acceptance and the News Media* : Thesis on bachelor of arts in sociology. Reno: University of Nevada, p. 29.

Информация об авторе

А. К. Кулагина – магистрантка факультета журналистики Института массмедиа и рекламы.

Information about the author

Anastasia K. Kulagina – graduate student, Faculty of Journalism, Institute of Mass Media and Advertising.

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022;
принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted 04.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022;
accepted for publication 18.04.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.